

Идеология “химических философов” (алхимиков) и духовный прогресс в эпоху Средневековья

“Всё, что совершается учёными в подражание природе или в помощь ей тайным искусством, кажется магическим действием не только несведущей черни, но и всем людям вообще... Ибо пока искусство не становится понятным, его всегда называют магией; только потом - просто наукой”.

“О способности вещей к ощущению и о магии” Томмазо Кампанелла (1568-1639гг.), итальянский философ, монах-доминиканец.

Как мы знаем, познание истины всегда было связано не только с наукой и её приложениями. Вся сознательную историю человечества рядом с магистральными направлениями развития знаний существовали и параллельные. Учения Платона и Аристотеля легко рассматривать как магистральные пути европейской мысли, определявшие стратегии исследования свыше двух тысячелетий, приведшие к современной науке. Но параллельно всегда существовали и эзотерические учения, и структуры, которые эти учения сохраняли и развивали. Так, учения Гермеса Трисмегиста или Зороастра, можно рассматривать как альтернативные духовные пути, отклоняющиеся как от ортодоксальной церковной, так и от светской магистрали, и ставшие основой еретических, мистических и магических учений.

То, что эти пути развивались параллельно и в диалоге, особенно наглядно высветила эпоха Возрождения (условно XIII-XVII века). Но неизбежным следствием такого параллелизма стало гонение со стороны католической церкви и инквизиции на неортодоксальные пути мысли. Именно Возрождению мы обязаны официальным запретом магии и охотой за ведьмами.

Тезис “Знание – сила” был сформулирован одним из ярчайших духовных мастеров Англии XVII века Френсисом Бэконом. Новая астрономия (космология), возникновение которой целиком связано с именем Николая Коперника, обязана не только расширению наблюдательной базы и математической обработке данных, но в значительной степени новому мировоззрению, бывшему соединением рациональных и мистико-магических элементов. Следующий шаг – классическая механика – в той же мере связан с учением Платона, теологией, алхимией, астрологией и каббалистикой. Осознание в дальнейшем ограниченности ньютоновской картины мира и теоретических пределов механики также идет параллельно с повышением интереса к магической метафизике и тому, что мы сегодня называем “паранормальными явлениями”. В поисках более широкого мировоззрения философы обращаются к подзабытым мистико-магическим учениям.

Уход со сцены (на границе XIV века) тамплиеров и стремление инквизиции огнем и мечом истребить течения свободного духа оставил отдельные очаги противодействия наступлению мрака Средневековья. Эту роль выполнял та-

кой отряд ученых Средневековья, как алхимики.

На фоне блеска придворной культуры, костров инквизиции и устремленной к небесам тамплиерской готики продолжилось начатое крестовыми походами вторжение исламской цивилизации в европейское мировоззрение. Она уже имела свои оплоты науки и искусства в Испании. Прогрессивные умы с восхищением смотрели на всё, что доходило до них из арабского стремления к мудрости, ведь христианство не располагало такой медициной, химией, математикой и астрономией, как на Востоке. Но арабская наука – и свидетельством тому была как раз восточная астрономия, – ничего не знала о свободе и бесконечной ценности отдельной человеческой души. Она знала Аллаха, всемогущего Бога, но не Сына Божия.

На протяжении веков великие и дерзкие ученые-алхимики выполняли в обществе странную и противоречивую миссию. С одной стороны, они были хранителями традиции – древнего эзотерического учения, которое считалось утраченным, а с другой – они становились футуристами, которые бесстрашно сотрясали устои догматических верований и стремились к научному знанию.

Рассмотрим тот вклад, который внесли европейские алхимики в историю познания и развития науки. Они явились фундаментом целого интеллектуального спектра эпохи Возрождения. “Химические философы” стояли у истока формирования естественнонаучной картины мира эпохи Возрождения, находясь под влиянием магики-мистических учений и практик. Ранние алхимики были ярчайшими выразителями идеологической ереси, на которую с такой яростью обрушился католицизм; и это несмотря на то, что все наиболее яркие алхимики были монахами.

В их мировоззрении причудливо сочетается алхимия и астрология с химией и медициной, математика и каббалистика, ортодоксальная средневековая теология и еретическая магия. В фокусе внимания мыслителей Возрождения постоянно находились сплав науки, теологии и магии. Их постоянно занимало соотношение земной и небесной реальностей и причинности. Поэтому, изучая Возрождение, мы постоянно становимся свидетелями оживленных дискуссий вокруг проблем истинной и ложной магии, истинной и ложной астрологии, истинной и ложной алхимии. Средневековые ученые чувствовали, что именно здесь пролегает путь, который обеспечит человеку власть над природой.

Конечной целью трудов ранних алхимиков являлась трансмутация неблагородных металлов – “бросание порошка философского камня на расплавленный металл в тигле”. (*Оксюморон – философский камень у алхимиков назывался иногда “молоком девственницы” и “тенью солнца”*). В Египте выплавление металлов было тайным ремеслом посвященных. Знания о нем накапливались постепенно, и в конечном итоге методы и формулы древних попали в книги по алхимии. Многие поколения алхимиков потратили свои жизни на изучение древних манускриптов в надежде обнаружить разгадку тайны, скрытую в символах, которыми пользовались адепты ранних эпох. Этот неустанный труд в лабораториях стал известен как Великое Делание. Недаром девизом алхимиков средне-

вековья может стать их призыв “Молись, читай, читай, читай, читай, трудись и ты познаешь (обретешь)”.

Мнений о том, как заниматься Великим Деланием, было столько же, сколько и алхимиков. Каждый из них хранил в секрете свои методы, результаты опытов и даже приборы и инструменты, которыми пользовался. В жизни каждого алхимика было то, что можно назвать посвящением. Тайны алхимии передавались хорошо зарекомендовавшему себя человеку, дававшему клятву об их неразглашении. Причинами такой таинственности был не только дух корпоративности и элитарности, но и преследования католической церкви, которая в XIV веке объявила алхимию дьявольским искусством.

Величайшее из тайных искусств – алхимия – по своей сути оставалась высоким призванием людей, наделённых внутренней мудростью и целеустремленностью. Превращение инертной и нечестивой души в духовное золото было столь же важным, как и физический процесс трансмутации металлов. Истинные адепты алхимии относились к своему ремеслу как к возвышенному искусству – Великому деланию, которое включает в себе двойственную природу. Алхимия открывала пути духовного познания космического промысла и давала средства улучшения рода человеческого.

Основные понятия, которыми апеллировали алхимики и их трактаты

Алхимические трактаты отличаются загадочностью, что крайне усложняет их понимание. Как и в других герметических науках, в алхимии для обозначения понятий использовались иносказания и символы. Основные процессы алхимии определяла следующая формула: “*Sta, coagule, multiple, solve*” - “Настаивай, сгущай, приумножай, возгоняй”. Важнейшими символами алхимии являются:

Sulphur – сера, активный элемент, фиксированный принцип стабильности. Мужское начало. Сера может быть неочищенной, грубой, черной. Такая сера нуждается в очищении (пурификации), восстановлении своего изначального качества.

Merkurius – ртуть. Пассивный, подвижный, летучий принцип. Женское начало. Ртуть является пассивным началом для чистой серы, красной серы. Она может служить побудителем и проводником для низшей, черной серы. В этом случае она выступает как подвижный “ангелический посланник” - Меркурий.

Sel – соль. Промежуточный принцип. Состояние, которое уравнивает действие двух других противоположных начал.

Эти названия духовных субстанций – “сера”, “ртуть” и “соль” – не стоит смешивать с общеупотребительными. Они представляют собой отвлечённые понятия, удобные для обозначения группы свойств. Эти три субстанции сообщают каждому телу его внутреннюю сущность и внешнюю форму. Легковоспламеняющаяся “сера” придаёт материи огненное, горючее начало – деятельную духовную силу, тогда как “соль” отвечает за твердость и цвет, а “ртуть” является носителем свойства испаряться.

Три алхимических принципа “*tria prima*” определяют человеческую индивидуальность. “Сера” воплощает душу, под которой понимались чувства и жела-

ния. “Соль” представляла тело. “Ртуть” олицетворяла дух, охватывающий воображение, суждение о нравственности и высшие умственные способности.

Другими важными символами алхимии являются четыре элемента: огонь, воздух, вода и земля. Это не просто стихии, а состояния единой космической субстанции. “Горизонтальное” деление на элементы относится к разным степеням “чистоты” одного и того же плана бытия. При “вертикальном” делении на элементы они могут означать различные (верхние и нижние) планы бытия. Самым важным принципом алхимии является “Невидимый (Тайный) Деятель”. Он тождественен Святому Духу. Он является главным автором волшебных трансформаций.

Сохранилось большое количество алхимических трактатов. По древней традиции, авторы облекали знания, добытые ценой напряженных трудов, в атмосфере преследования со стороны церкви, в метафоры, символы и намёки. Доступ к сокровенным знаниям получали только самые упорные и достойные, те, кто прошел посвящение. Профаны должны оставаться в неведении.

Таинственность достигает высшей точки в XVII веке, когда тексты заменили рисунками. Анонимный трактат “Mutus Liber” (“Бессловесной книге”), который хранит рецепт приготовления философского камня, был напечатан во Франции в 1677 году. Он содержал пятнадцать гравюр на отдельных листах. Некоторые рисунки содержат намеки на процессы, детальное понимание которых доступно только адепту. Возможно, что для восполнения недостающих деталей тот, кто желает постичь эти тайны, должен испытать определенное духовное озарение и осуществить интеллектуальный поиск.

Я приведу вам названия некоторых гравюр: “Спящий пробуждается”, “Космос алхимика”, “начало Великого делания”, “Экстрагирование солнечной эссенции”, “Экстрагирование солнечной эссенции” и так далее. Среди основных компонент – все древнеримские боги (Нептун указывает на присутствие жидкого флюида, Сатурн олицетворяет свинец, Меркурий – живую воду и т.д.); в некоторых гравюрах дано изображение зодиакального созвездия – очевидно, указание на время произведения соответствующей процедуры. Вот пример 14-й гравюры, которая называется “Философский камень”, показывающей заключительный этап приготовления философского камня в процессе великого делания. В верхней части гравюры изображены три алхимические печи. Ниже изображены адепты – мужчина и женщина, между которыми находится ребёнок. Возможно, именно ему удастся преодолеть последние ступени в приготовлении. В третьей части изображены алхимические приборы, котлы, весы. В нижней части гравюры изображена колба, в которую заключен философский камень. По обе стороны от неё стоят алхимики, достигшие успеха. С печатью молчания на устах эта пара указывает на таинственные предметы, изображенные над ними. Они призывают тех. Кто желает стать алхимиками: *“Ora, lege, lege, lege, relege, labora et invenies”* – “Молись, читай, читай, читай, перечитывай, работай и обретешь (найдёшь).

Последняя гравюра имеет название “Дух преобразован”. Победа духа, ко-

торой сопутствует и материальный успех в приготовлении философского камня, возносит алхимиков в Царствие небесное. Они восклицают: “Прозрев, ты уйдешь”. Под ними лежит умирающий Геркулес, который, подобно алхимикам, был взят на небеса в телесной оболочке. Лестница Иакова больше не нужна и отброшена на заднем плане. Вместо тернистых роз, украшавших титульных лист книги, на последней гравюре изображены ветви плодоносящего фруктового дерева – награда за упорство и преданность.

Вопросы теории и познания, актуальные в эпоху Возрождения у наиболее выдающихся мыслителей.

Знаменитый алхимик XIII века испанец *Раймунд Луллий* (ок. 1235 – ок. 1315) увлекся алхимией во время обучения в парижском университете под влиянием знаменитого монаха *Роджэра Бэкона*, который был старше его на два десятка лет. Он получил степень доктора философии, а позже вступил в орден францисканцев. Луллий был большим знатоком иудейской и мусульманской теологии. Основная философская концепция этого мыслителя состояла в том, что мир является символом Бога и смысл его существования в раскрытии совершенств Бога. Луллий разрабатывал способ познания Бога методом моделирования логических операций. Примерно ко времени окончания университета (1270 год) появился его труд “Великое искусство”, в которой он *предвосхитил математическую логику и теорию математических машин*.

В сфере химической он описал свойства углекислого аммония и сернистых соединений ртути, получил винный камень (тартар), поташ из растительной золы, мастику из белка и извести, произвел очистку винного спирта, выделил эфирные масла ... Через семь веков, в 1956 году, известный историк науки Джон Бернал назвал Луллия “одним из основателей химического направления в науке, которому было суждено ... через Парацельса и Ван-Гельмонта привести к химии наших дней”.

Луллию приписывают 4000 работ, из которых примерно 500 составляли алхимические трактаты. Многие научные и теологические трактаты он написал, используя тайнопись, которую сам и изобрел. Среди наиболее известных – “Завещание, излагающее в двух книгах всеобщее химическое искусство”, “Опыты”, “Сокращенное послание о камне”, “Добавление к завещанию, или Сокращение”, “Последнее завещание”. В итоге Раймонд Луллий прославился как ученый – знаток арабского языка – и миссионер, богослов и философ, логик и писатель, изобретатель и путешественник, теоретик и экспериментатор, оратор и алхимик. Но в молодости он был повесой. Рассказывали, что он был настолько безрассуден, что, желая произвести впечатление на девушку, ворвался на коне в кафедральный собор на Майорке. Он рисковал жизнью при выполнении опасной миссии распространения христианской веры среди мавров в Северной Африке.

Загадочные зашифрованные рукописи пробудили подозрения церкви и навлекли обвинения в ереси. Спасаясь от критиков, он отправился в Северную Африку проповедовать Евангелие. Однако мавры тоже не отличались терпимостью по отношению к “неверным”. После нескольких тюремных заключений, 29

июня 1315 года в Тунисе Раймонда Луллия забили насмерть камнями. Его тело привезли на остров Майорка и установили на могиле плиту с надписью: “Раймонд Луллий, благочестивые убеждения коего не были никому ненавистны, покоится здесь в дивном мраморе”.

Величайшим алхимиком Англии был живший в XIII веке (ок. 1214 –1292 годы) монах-францисканец и преподаватель Оксфорда, философ и естествоиспытатель **Роджер Бэкон**, *“Doctor Mirabilis”* (удивительный, восхитительный). Бэкон, получив образование в Оксфорде, был одним из первых в усвоении философских и научных работ, переведенных в XIII веке с греческого и арабского, крупным популяризатором греческой и арабской натурфилософии и математики. Он проводил реформу теологии с помощью и на основе языковых, математических и естественнонаучных дисциплин. Возникающее в то время естествознание как “Вопрошание природы” вело свое происхождение от практики “вопрошания богов” – от физиогномистов, хиромантов и, конечно, астрологов. Он поставил одну из важнейших для того времени научно-методологическим проблем – проблему предсказания, которая была неизмеримо более актуальна, чем проблема научного объяснения. Бэкон критикует астрологический метод как возможность однозначного предсказания будущего. Бэкон утверждает, человек колеблется между страстями души (воздействие звезд) и тела (воздействие Земли). Бэкон здесь следует Птолемею.

Во-вторых, Бэкон разделяет “ложных” от “истинных” математиков. Неспособность ложных математиков оправдать свои однозначные предсказания, пишет он, обращает их к использованию власти демонов и магии позволяющих корректировать ошибки чудесами. Так магия помогает логике. В отличие от них, истинные математики и философы обращаются к природным силам, чтобы ослабить неблагоприятные положения звезд, а также к истинному Богу – этому служат молитвы и жертвоприношения.

В-третьих, Бэкон устанавливает соотношения науки о небе и науки о земле (астрономии-математики и естествознания). Астрономия, по Бэкону, сама в себе совершенно истинна, но в отношении Земли лишь вероятна. Физика всегда лишь вероятна, однако её вероятность выше, когда она судит о земных событиях.

Его основные сочинения “Большой труд”, “Меньший труд” и “Третий труд” являются подготовительной работой к задуманной им обширной энциклопедии наук. Овладевая знаниями, Бэкон проводил четкое различие между логикой и опытом, между библиотечными истинами и теми, которые следуют из непосредственного наблюдения. До него такого же подхода к познанию придерживались и другие ученые, в частности, Гебер, но ни один не придерживался ее так строго, как Бэкон. Его подход к познанию стал краеугольным камнем научного метода – научных исследований нашего времени. Бэкон писал: “Посредством эксперимента ученый добывается знания того, что свойственно природе равно медицине и алхимии, и всё это пребывает на небесах и под землей”.

Из этих наук алхимия считалась первостепенной. Мы остановимся на одном аспекте деятельности Бэкона – ученого и алхимика. Бэкон написал в своем

труде “Умозрительная алхимия”: “Начало металлов суть ртуть и сера ... Природа всегда стремится достичь совершенства, то есть золота, но множество случайностей мешает этому”. Бэкон сравнивал поиски способа осуществления трансмутации с действиями человека, который ищет сокровища в своем саду. “Даже если ищущий никогда не найдет предмет своих вожделений, то по крайней мере обрабатывает почву и увеличит урожай. Поиски и стремление получить золото явили миру много полезных изобретений и ценных опытов”.

Одной из заслуг Бэкона, которая проистекала из экспериментов в области алхимии, стал метод очистки селитры – важного компонента черного пороха. Кроме того, он добился значительных успехов в оптике, отшлифовав увеличительное стекло, посредством которого можно было зажигать свечу, концентрируя лучи даже от слабого источника. Есть основания считать, что Бэкон был изобретателем примитивного телескопа.

Подобно многим адептам своего времени, Бэкон вызывал подозрения и раздражение у церковных иерархов. Философия подчинения законам логики и результатам научных исследований, которые он развивал, по мнению глав ордена францисканцев, представляла угрозу вероучению, и они убедили папу Урбана IV поместить Бэкона под домашний арест. А в 1284 году папа Николай IV заключил Бэкона в тюрьму, где он провел последующие десять лет и умер вскоре после освобождения в возрасте около восьмидесяти лет. Согласно одному сообщению, он погиб в результате взрыва в лаборатории.

Среди “химических философов”, внесших большой вклад в метафизическое осмысление алхимических процессов, выделялся английский монах **Джордж Рипли**, который родился около 1415 года. Легенда гласит, что в своих странствиях в поисках разгадки тайны философского камня он нашел его, ибо когда, в конце концов, достиг острова Родос, то уже обрел золото, которое передал в дар рыцарям святого Иоанна Иерусалимского. По возвращению в Англию Рипли посвятил остаток своей жизни овладению в совершенстве тем, что его прославленный ученик Филалет назвал “Божественным ремеслом”. Все знания, которыми он овладел, Рипли изложил в 24 книгах. В “Композиции Алхимии”, написанной в 1471 году, Рипли обстоятельно объясняет свою трактовку 12-ти стадий Великого Делания. Он сравнивал 12 химических стадий с препятствиями на пути совершенствования адепта. Первый барьер – “прокаливание” соответствует самобичеванию, сжигающему шелуху человеческих пороков и открывающему духовную сущность. На следующих стадиях “внутренняя субстанция” разделялась на дух, душу и тело перед тем, как подвергалась духовной смерти и возрождению, за которыми следовало “воссоединение” очищенных духа и тела.

Джорджу Рипли приписывают свиток с изображениями, полная длина которого в развернутом виде составляет 5,5 м. Знатоки считают, что на нем изображены три стадии Великого Делания (*Nigredo, Albedo, Rubedo*).

Одним из высших авторитетов в алхимическом искусстве является бенедиктинский монах XVI века **Базиль Валентин**, алхимия которого была полностью духовной. Имя Базиль Валентин является, скорее всего, символическим и

означает “Могущественный король”. Этот титул присваивался высшему адепту, который завершил работу над философским камнем. Труды Валентина вдохновляли многие последующие поколения “детей Гермеса”. Духовную алхимию часто практиковали в монастырях те, кто не довольствовался верой, но стремился к знаниям.

В герметических науках считалось, что тайное знание о микрокосме и макрокосме не должно даваться без усилий и исканий. Используя разные аспекты одного и того же символа, алхимики намеренно зашифровывали свои тексты. Однако тексты Базиля Валентина отличаются доступностью и простотой. В “Трактате о Микрокосме” он сформулировал основные принципы не только алхимии, но и герметических наук в целом. Огромное влияние духовная алхимия Валентина оказала на выдающегося алхимика первой половины XVI века Парацельса.

ДОПОЛНЕНИЕ

Начавшиеся в XVI веке перемены были связаны с жизнью и деятельностью немецкого врача и алхимика, который называл себя *Парацельсом*, т.е. “выше Цельса” – прославленного врача, жившего в Риме в I веке. За 48 лет своей жизни он опубликовал мало книг и многие труды, которые приписывали Парацельсу после смерти, оказались впоследствии подделками. Посетив юношей многие европейские и азиатские страны (включая даже Россию) и получив от арабских адептов знания великих секретов герметических искусств, от индийских браминов – знания о Природных духах и обитателях невидимых миров, Парацельс, вернувшись в Германию, начал давно задуманную реформуацию медицинских искусств и наук. Он провел в алхимической лаборатории не очень много времени, и где бы не появлялся, он вызывал такую полемику, что редко удерживался на месте дольше года. Но масштаб его личности был такой, что современники называли его *“Lúterus medicorum”* - “Лютером медицины”. Считается, что на фундаменте алхимии Парацельс начал возводить химию как науку. По отзыву одного ученого нашего времени, Парацельс был “первым современным ученым-медиком, предтечей микрохирургии, современной хирургии ран, гомеопатии и ряда других достижений последних лет”.

Настоящее его имя – *Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм* (1493 – 1541). Помимо его научных открытий, нас интересует, в первую очередь, сама яркая личность великого духовного мастера как *важнейшего звена в процессе радикальных перемен эпохи Реформации*. Профессорское звание и должность городского врача в Базеле он получил в возрасте 23 лет (обращаю ваше внимание на то, что именно к этому возрасту за его плечами был уже большой опыт образования, службы и путешествий, т.е. вся полнота 23 аркана). Ломая всё отжившее и подчеркивая презрение к авторитетам, Парацельс осмелился сжечь труды Галена и “короля врачей” Авиценны на традиционном костре в День святого Иоанна, чтобы “все это мучение развеялось в воздухе вместе с дымом”. И снова его поступок напомнил Мартина Лютера, который примерно шестью го-

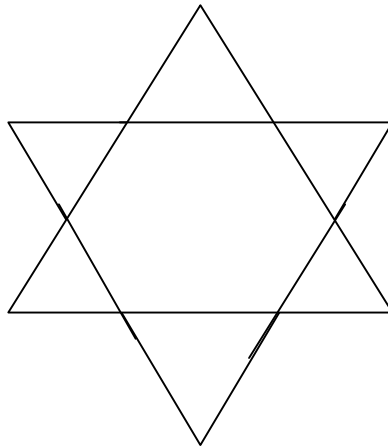
дами ранее дерзко сжег папскую буллу.

Парацельс никоим образом не был врачом в современном смысле. Он был мистиком по натуре и полагался больше на интуицию, чем на результаты клинических испытаний.

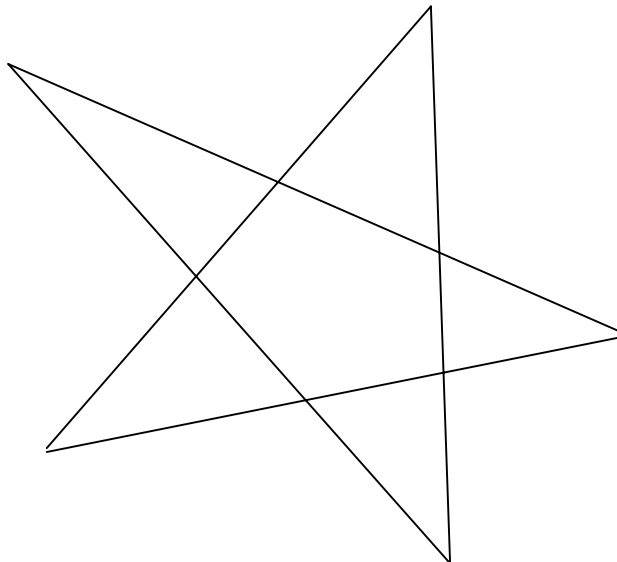
Для примера. В своем труде “Об оккультной философии” он рассуждает о силе магических знаков для излечения недугов.

“... Не всем знакам или словам следует верить, а оставлять только такие, которые обоснованы, приходят от истины и могут быть всегда проверены. Чтобы мы могли теперь перейти к обсуждению **таких** знаков, продемонстрировать правильные и познакомиться с ними, вам необходимо знать, что на этот раз речь пойдет не более, чем о двух знаках. Дело в том, что, хотя таких знаков гораздо больше, эти два — самые главные среди всех. О том, как они устроены, вы сейчас услышите.

Два треугольника, наложенные друг на друга накрест, делятся на семь частей с шестью выступающими углами, в которые вписываются шесть букв высокого имени Адонай и располагаются в правильном порядке.

Таков первый знак, и он один. Но есть и другой знак, гораздо более прекрасный и превосходящий первый своей великой силой и добродетелью. Он строится так: берутся два [рыболовных] крючка и накладываются накрест друг на друга. Второй знак делится на шесть частей с пятью выступающими углами, в которые вписано прекрасное и возвышеннейшее имя Бога Тетраграмматон и расположено в правильном порядке.

С помощью этих двух знаков израильтяне и нигромантические евреи многое содеяли и многого добились, что немногие [избранные] хранили в глубокой тайне. Ибо эти два [знака] обладают столь большой силой, что все, что можно сделать с помощью знаков и слов, можно сделать с помощью одних лишь этих двух знаков. Мне очень хотелось бы знать, найдется ли среди всех нигромантических книг хотя бы одна, в которой была бы скрыта столь важная тайна, ибо эти два знака действуют против всех злых духов, дьявола, всякого волшебства и всякого рода магических поползновений, властвуя над ведьмами. Они [знаки соломониной печати и пентаграммы] снимают чары с заколдованного, например, в мыслях и чувствах, т. е. с человека, вынужденного поступать против своей воли или Природы; т. е. действовать в ущерб своей жизни, и ежели давать их [зачарованному] в нужный день и в нужный час, а именно в период влияния Юпитера и Венеры, вместе с пищей на прянике или чем-нибудь подобном, то они [=эти знаки] заведомо помогают в течение двадцати четырех часов, хотя есть и другие средства, помогающие от тех же напастей, о которых я поведаю подробнее, когда буду писать о непогоде.

Подведем итог... Я предлагаю истинную пентаграмму против злых духов, покуда они все не ужаснутся и не проникнутся страхом, сколько бы их ни было, и тех духов, которые обитают в четырех элементах. Но на вере зиждется все.

Теперь я хотел бы сделать одно замечание и оправдаться от незаслуженного обвинения в том, будто бы я нарушил третью заповедь Бога на первой скрижали Моисеевой, ибо сказал Господь Бог: "Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно". Но какой разумный человек, не погрешая против истины, скажет, будто я произношу имя Господа напрасно, кощунствую или гневлю Бога, ибо, если я и злоупотребляю долготерпением Господа, то делаю это не как колдуны, а лишь для того, чтобы помочь людям в крайней нужде, ибо в противном случае мне нечем было бы им помочь! Ибо в данном случае могли бы помочь *aurum potabile* [питьевое золото], *quinta essentia auri* [квинтэссенция золота], *quinta essentia*, или *tinctura, antimonii* [квинтэссенция, или настойка, сурьмы], обладающие большой добродетелью...."

Различия между истинной и ложной магией Парацельс понимает следующим образом. Магия сама по себе есть самое тайное искусство и величайшая мудрость, касающаяся сверхъестественных вещей на Земле. И то, что человеческий разум не в силах постичь и понять до конца, он может сделать с помощью искусства магии. Поэтому, пишет Парацельс со скрытым упреком, было бы в высшей степени необходимо, чтобы и теологи сказали бы что-нибудь об этом и выяснили бы, *что такое магия, которую они совершенно неправильно и без всякого на то основания назвали колдовством*. "Я отнюдь не считаю, пишет Парацельс, что теологи должны заниматься магией или пользоваться ей, но полагаю, что они должны были бы основательно разбираться в ней и знать ее действие и достоинства – из-за великих тайн, сокрытых в священном Писании, о которых говорили апостолы, пророки и сам Христос, и которые человек не может понять и постичь своим разумом".

Парацельс выделяет три главных ориентира при поиске истины: молитва (благоговейный поиск бога), вера (условие духовной силы) и воображение (средства реализации первых двух в обрядах и ритуалах). Огромную роль Парацельс придает воображению; оно фактически понимается им как форма интуитивного творческого познания. Парацельс, по существу, описывает то, как постоянная увлеченность некоторым предметом ведет к бессознательной переработке информации, что результируется в своего рода “обучающем сне”, который требует специальной сосредоточенности для удержания его в памяти – “явился мне Меркурий и научил великому искусству, но я забыл”.

Воззрения Парацельса основывались на убеждении, что каждое человеческое существо представляет собой микрокосм, который неразрывно связан с макрокосмом. Здоровье даровано Великим Врачом – богом, а болезнь является нарушением этой божественной гармонии. Для восстановления здоровья врач должен восстановить эту гармонию посредством химических лекарственных препаратов, которые Парацельс называл чудесными эликсирами. В делах такого рода врач-алхимик полагался также на влияние астральных излучений и “дыхания Господа”, как загадочно называл его Парацельс.

Только поняв химическую природу “*tria prima*” (сочетания серы, соли и ртути) – трех алхимических принципов, врач мог найти чудесные эликсиры здоровья. Но Парацельс оставил важнейшее наследство, вошедшее в арсенал врачей – лекарственные соединения серы, ртути и железа.

Вольнолюбивые воззрения и достижения Парацельса привлекали на лекции в Базель всех жаждущих знаний, но они же вызывали резкую неприязнь консервативных профессоров и бюргеров. Насмешки над коллегами-врачами не улучшали его положения. Базель не смог простить высокомерия Парацельса, и он покинул город. Врач начал странствовать из страны в страну; и последующие тридцать лет жизни прошли в 62-х городах.

Одной из страниц, оставивших живой след в дальнейшей истории, была разработка идеи создания посредством алхимического процесса искусственного человеческого существа – **гомункула**. Сохранился немецкий трактат XVI века, на фронтисписе которого Парацельс, опираясь на изображения из еврейской каббалы, откупоривает колбу с неким содержимым. Рядом с алхимиком – квадраты, заполненные цифрами, которые также взяты из каббалы. Голландский живописец XVI века *Иероним Босх* создал триптих, на котором у самого края появляется заброшенный и жалкий гомункул, медленно передвигающийся с места на место. На картине другого голландского художника XVII века пара алхимиков в изумлении глядит на колбу, в которой находится только что образовавшийся гомункул. Видно, что алхимики потрясены. Тайные знания, почерпнутые из рукописей, разбросанных по столу, заронили искру жизни в это едва различимое создание. В XIX веке Иоганн Гете написал драму “*Фауст*”, создает живого маленького человечка – гомункула в сосуде, который подогревал в домашнем очаге.

В каком-то смысле Парацельс предсказал своё бессмертие: “Я буду мёртв, но мои учения останутся жить”. Самым важным вкладом неисправимого спор-

щика Парацельса в науку стал пример его деятельности. Он сам служил своего рода “философским камнем” – катализатором в эпоху радикальных перемен. Эта оценка более других подходит к Парацельсу, девизом которого были слова: “Будь таким, каков ты есть, и не принадлежи другому”.

Парацельса похоронили среди могил бедняков на кладбище Зальцбурга. Над могилой положили камень с надписью, которая выражала его презрение к земному бытию и надежду на лучшую долю в загробной жизни; там есть такие слова:

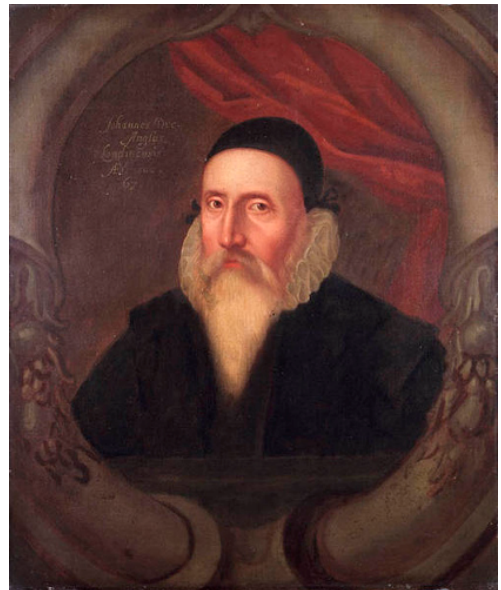
“Vitam cum morte mutavit”
“Он поменял жизнь на смерть”.

После смерти Парацельса в 1541 году его воззрения оставались одной из доминирующих интеллектуальных сил в Европе на протяжении, по крайней мере, полутора веков. Последователи Парацельса проводили далеко идущую аналогию между сотворением космоса божественной силой и лабораторными исследованиями алхимиков. В обоих случаях магическое посредство огня было призвано очистить чистое от нечистого, добро от зла, свет от тьмы и порядок от хаоса. (Помните написанное на стене у М. Булгакова розенкрейцерское выражение “Огнем очищается все живое” - “*Igne Natura Renovatur Integra*”).

Если Роджер Бэкон начал активно вводить в систему обоснования теологии зарождающуюся науку, а Парацельс яростно критиковал суеверия и проповедовал веру в Бога как лучшее лекарство от колдовства и болезней, то англичанин **Джон Ди** (1527-1608) является одновременно математиком, оккультистом-каббалистом и творцом новой космологии в стиле задуманного Исааком Ньютоном глобального труда по новой системе мира. Свою систему Ди назвал “законом иероглифической монады”.

Об астрологе и алхимике Джоне Ди (1527-1608) известно немного. Личный астролог английской королевы Елизаветы 1, Ди за приверженность мистицизму и герметическому искусству был отдален от двора и умер в бедности.

Д. Ди, как и Р. Луллий, Г. Лейбниц, Р. Бойль и И. Ньютон и другие величайшие ученые и философы, был страстно увлечен поисками “ключа к миру” и нашел свою универсальную формулу вселенной в геометрии, истолкованной каббалистически. При этом Ди наследует восходящую к Р. Бэкону тенденцию к объединению магии, теологии и науки. Воодушевившись идеей новой космологии, Джон Ди кладет в основу своей концепции специфически истолкованную каббалистику, давая ей название “иероглифики”.

Он пишет: “Можно утверждать, что мистические буквы древних евреев, греков и римлян сотворены одним лишь Богом и дарованы смертным (хотя человеческая гордыня это охотно отрицает) точно так же, как все остальные знаки чудесным и весьма мудрым образом созданы из точек, прямых, дуг и окружностей. ... Те же, кто погружен в размышления над причинами наполненности или пустоты пространства (вопроса весьма спорного с самого основания философии), увидят, что посредством этого закона (иероглифической монады) и, так сказать, нерасторжимых уз природы, сотворенных всемогущим Богом, поверхности соседних элементов сообразуются, сопряжены и взаимозависимы...”.

Его сочинение на эту тему, которое называется “Иероглифическая монада Джона Ди из Лондона, математически, магически, каббалистически и анагогически изъясненная королю Римскому, Богемскому и Венгерскому Максимилиану”, издавалось на латыни дважды уже при жизни автора. Во вступлении он говорит, обращаясь к королю: “О, мудрейший король, возьми подобные вещи и схорони в сокровеннейших тайниках твоего разума и твоей памяти!”

Из “Иероглифической монады” Джона Ди

...Ход человеческой жизни представляется моему взыскующему разуму как бы разделенным на два пути, из которых почти все люди идут лишь по одному.

Стоит лишь миновать детским и юношеским годам, как желания ставят юношу перед жизненным выбором: либо из любви к истине и добродетели идти по пути философии, отдавая ей все силы на протяжении всей своей жизни, либо поддаться мирской суете и жажде наслаждений и стремлению к богатству и пуститься в разгульную жизнь, стремясь заработать на нее всеми возможными средствами.

1. Что касается последних, то Вы с легкостью найдете ТЫСЯЧУ таких, тогда как из первых, всем сердцем отдавшихся философии, вряд ли укажете мне такого, кто постиг хотя бы простейшие и наиболее глубоко лежащие истины природы.

2. И среди ТЫСЯЧИ тех, кто целиком и полностью отдался постижению истины, вряд ли найдется ОДИН, кто глубоко и основательно изучил первопричины возникновения, развития и затухания сил, явлений и небесных тел и мог бы объяснить хотя бы их простейшие начала.

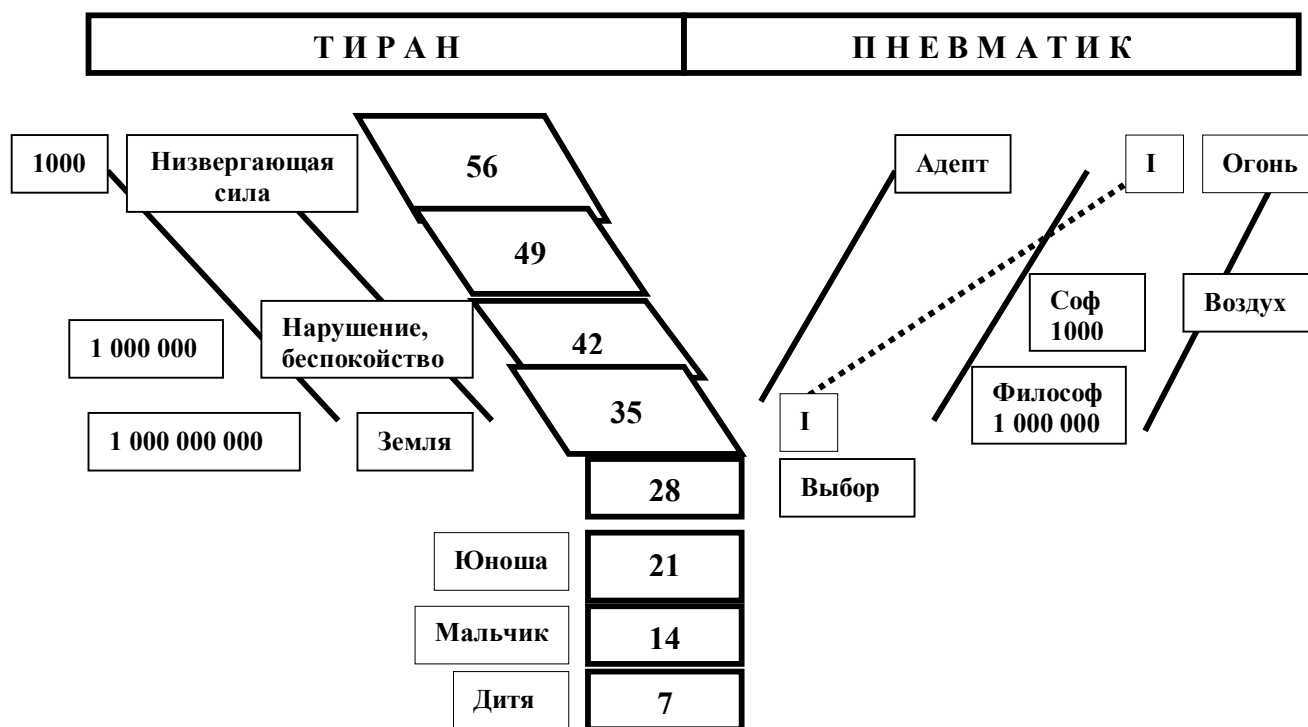
3. Кто же таков тогда тот, кто, преодолев упомянутые выше трудности, стремится к теории и к постижению сверхнебесных добродетелей и метафизических течений? Где, в каком месте на всем земном шаре, в печальное время, в котором мы живем, находится сей великий муж и единственный в своем роде герой? Следуя приведенной нами пропорции — один на тысячу, которую мы упомянули здесь не без основания, мы можем ожидать, что такое единственное в своем роде удачнейшее дитя может встретиться одно на сотню мириад истинных философов и на сотню тысяч мириад обычных людей!

Попытаемся теперь представить набросанную нами иероглифическую

схему подобной редкостности на пифагорейский манер, как это принято называть. С помощью этой схемы вашему Величеству откроются сами собой величайшие тайны, которые в ней содержатся. Еще более обозримыми они становятся, если описать их формулой, выводимой из наших космополитических теорий.

На какую же ступень этой тройственной философской РЕДКОСТИ, которая будет представлена ниже, могущественнейший король, надлежит мне поместить сей дар, изготовленный мной для Вас? Об этом Вы, преисполненный знания великих искусств и тайн, сможете с легкостью судить сами.

Я полагаю, что с моей стороны не будет гордыней поместить его в одном ряду с первой и наиболее глубокой философией».

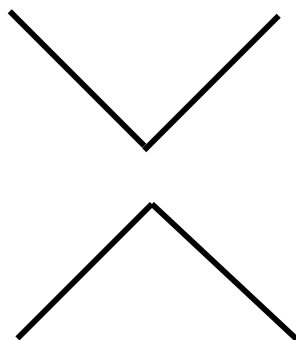
Древо редкости

Ди называет эту конструкцию в форме прописной греческой буквы “ипсилон” “древом редкости” (*arbor raritatis*). Античные авторы использовали его как символ жизни и выбора между добром и злом. На каждом “ярусе” этого древа человек пребывает в течение семи лет. Число семь есть сумма мужского числа три и женского числа четыре, поэтому на каждой ступени должна выполняться двойственная задача. Завершенность требует наличия $2 \times 4 = 8$ ступеней, о чем Ди говорит в теореме XXIII. Если в возрасте $4 \times 7 = 28$ лет человек выбирает материальную сторону жизни, то он становится “тираном”, или “эгоцентриком”, и завершает жизнь внизу — в земном мире. В правой части представлено восхождение “пневматика” через элементы “вода” и “воздух” к “духу огня”, от “любителя мудрости” (философа) через “знающего” (софа) к высшей ступени посвящения. Это воспарение Ди обозначает буквой I, означающей солнечный луч, ведущий человека (после выбора в возрасте 28 лет) по “правильному” пути.

Теорема XVI

Затронутая нами тема требует, чтобы мы немного пофилософствовали о КРЕСТЕ. Хотя наш КРЕСТ, как о том было сказано, состоит из двух прямых, совершенно одинаковых, их части после наложения [одной прямой на другую] не равны по длине. Но при мистическом разбиении креста нам требуются равные и неравные части. Они указывают, таким образом, на то, что в возможности двоякого разбиения равностороннего креста, ибо его части имеют равную длину, кроется некая сила. Ибо справедливость природы совершенно общим образом требует, чтобы крест состоял из равных прямых перед тем, как он становится косым крестом, состоящим из совершенно одинаковых [по длине] линий.

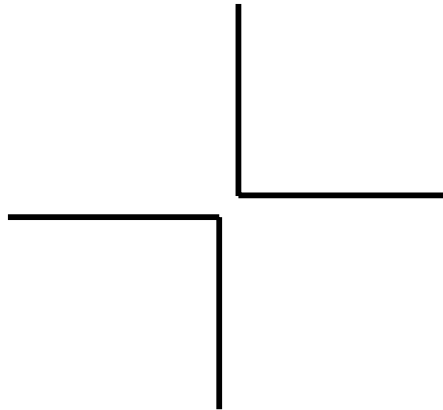
Следуя образцу такой справедливости, мы предлагаем исследовать со всем тщанием, что происходит с равночастным крестом, который к тому же служит двадцать первой буквой латинского алфавита. Если состоящий из общей точки пересечения и противоположащих углов наш крест, прямолинейный, прямоугольный и равноконечный, представить как одну линию, проходящую наискось с одной стороны на другую, то по каждую сторону этой косой линии мы обнаружим две совершенно одинаковые и совпадающие при наложении части креста. Их форма совпадает с той буквой латинян, которая считается пятой гласной [V=U] и использовалась древнелатинскими философами для обозначения числа

пять, в силу чего я считаю, что ввел его [крест] не без основания, ибо это число составляет ровно половину нашей десятирицы. [Примечание. Римское число V имело мистическое значение. Счет “пятерками” восходит к пифагорейцам и использовался на счетной доске - абаке. Мистический смысл несли слова “пента” (пятерка) и “панта” (всё).]

Из этих частей двойной фигуры, т. е. из гипотетического разбиения креста, разумно сделать вывод о том, что они обе представляют пятирицу, хотя одна из них находится в прямом, а другая в перевернутом положении. Уместно напомнить, что такой знак используется и для “квадратного корня”, [Примечание. Используемый ныне знак квадратного корня происходит от латинской буквы V] в то время как четырехкратно умноженный крест дает то, что называется отношением между двадцатью и пятью, ибо V - двадцать первая буква латинского алфавита, а как гласная [U] - пятая.

Рассмотрим теперь еще один аспект того же равноконечного креста, причем в том самом виде, который соответствует его расположению в нашем монадном кресте. Потребуем, чтобы крест был разделен на две части аналогично тому, как было сделано выше. Но теперь двойная фигура оказывается другой буквой латинского алфавита: одной в прямом, а другой - в перевернутом и противоположно направленном положении:

Эту букву “L” латиняне, согласно весьма древнему обычаю, использовали для обозначения числа пятьдесят. К этому, как мне кажется, необходимо присокупить следующее: знак числа пять по самому своему существу заимствован из числа десять нашего креста, но стоит во главе всех мистерий, из чего следует, что наш КРЕСТ есть совершеннейший иероглифический символ. Он присокупляет к силе пятерницы силу десятерницы и приводит к числу пятьдесят как произведению чисел пять и десять.

О, мой БОГ, сколь глубоки эти мистерии! И имя ЭЛ задано буквой “L” [*эл (древнеевр.) — Бог!*]. Даже по следующей причине мы видим, что она взаимосвязана с силой числа десять, сокрытого в кресте: между первой буквой алфавита и двадцать первой буквой “X”, для нашего креста, буква “L” находится посередине. Поскольку при этом мы получаем две равные части, возникает — при чисто арифметическом подходе - в сумме число сто: $L+L == C$. Если же мы образуем из “L” квадрат, то в произведении получается две тысячи пятьсот. Сравнив этот квадрат с квадратом первого крестного числа “V” и поставив оба числа рядом, мы увидим, что они отличаются числом сотен, из чего следует, что крест, если истолковывать его силой заключенного в нем числа десять, можно рассматривать как число сто.

А поскольку все это разыгрывается в одной-единственной фигуре, крест также представляет ЕДИНИЦУ. Таким образом, изложенные выше теории креста (наиболее признанные из всех) приводят нас к тому, чтобы считать следующим образом: один, десять, сто. При таком подходе число ДЕСЯТЬ представляется из его отношения к КРЕСТУ.

Теорема XVII

Как отчетливо явствует из теоремы VI, мы видим в нашем кресте четыре прямых угла, каждому из которых, согласно первой части предыдущей теоремы, можно придать значение числа пять. Изменив немного их положение, мы можем превратить их в иероглифические знаки числа пятьдесят. Но также ясно, что знак креста обычно означает число десять и тем самым представляет в порядке латинского алфавита двадцать первую букву (по этой причине мудрый Мекубалес также выразил число двадцать один через Крест).

Аналогичным образом можно весьма просто показать, какие качественные и количественные утверждения представимы простыми знаками.

Из всех этих частных мы видим, как из лучшего каббалистического объяснения можно заключить, что наш крест можно истолковывать как чудесное сокращение для посвященных числа ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ДВА, ибо четырежды пять, четырежды пятьдесят, десять, двадцать один и один, взятые вместе, дают число двести пятьдесят два. Следовательно, подобно тому, как это число может быть получено нами ещё двумя другими способами (что будет показано далее), мы рекомендуем каббалистам точно так же подходить и к испытанию неисследованного и изучению его глубин, тем самым предоставляя рассмотрению философов различные открывающие простор воображению этого таинственного числа. И я не скрою от вас и другую мистагогию (*“мистагог”* греч. – *“проводник по священным местам”*), - достойную того, чтобы над ней поразмыслить. Мы видели, что наш крест “X” допускает разложение на две другие буквы — “V” и “L”. Обосновав их численные свойства более определенным образом, мы хотим теперь упомянуть об их словесной силе в связи с нашим крестом. А именно: эти три буквы, взятые вместе, образуют слово LVX (*LUX* – *“свет”, синоним Христа*) — слово окончательное и тайное (в своей единичности выраженное через троицу, которая в этом слове снова превращается в единицу), что мы наблюдаем в величайшем изумлении.

Теорема XVIII

Подняв к небу наши каббалистические глаза (просвещенные рассмотрением перечисленных выше мистерий), мы познаем весьма точно анатомию нашей монады в том виде, как она неизменно являет себя на свет и в жизни природы и обстоятельно открывает нам через свое собственное движение сокровеннейшие тайны строения своего тела.

*

Алхимики, вдохновленные объяснением планетарной системы Земли, которое в XVI веке дал *Николай Коперник*, нарисовали грандиозную картину, в которой все живое образует гармоничную систему соответствий, связывающую небеса с планетами, планеты с землей. Землю со сменой времен года, времена года с болезнями людей, а болезни с химическими лекарственными препаратами. Чтобы распутать клубок соответствий, связывающих воедино все в космосе,

алхимики изучали вселенную как целое, двигаясь по нисходящей к частному случаю – *познанию человечества*, от макрокосма к микрокосму. И наоборот, – так как все в макрокосме находится в соответствии с тем, что составляет микрокосм, то изучение человечества и его места в материальном мире позволяло постигать высшие сферы. В этой грандиозной системе люди существуют как микро вселенные – микрокосмы внутри большой Вселенной – макрокосма. На том этапе познание и практику на этом уровне последователи Парацельса надеялись начать с открытия средства ото всех болезней и закончить духовным возрождением, которое приведет к улучшению мира.

На протяжении XVII века начала появляться граница между философами-мистиками и исследователями-практиками; возникло неизбежное расслоение среди алхимиков, поскольку одни наследники Парацельса занимались вплотную поисками земных новшеств в медицине, а другие – поисками космических взаимосвязей. (Само слово “*лаборатория*” образовано от латинских слов, которые обозначают “*работа*” и “*место молящегося*”. На сохранившейся гравюре 1602 года, изображающей немецкого алхимика Хайнриха Кунрата, стоящего на коленях перед алтарем в своей лаборатории, надпись на потолочной балке гласит: “*Никто не станет великим без божественного вдохновения*”). В дальнейших исследованиях нас будет интересовать группа, ведущая поиски смысла жизни на возвышенной основе “*химической философии*”, те, последователи которые будут называться розенкрейцерами.

Сушкова И. В. 1999 г.